

Всем салам, добро пожаловать в подкаст ПостСоветистан! Я ведущий Данияр Молдокан.

Пандемия КОВИДа показала, какая хрупкая вещь – человеческое здоровье. Многие из нас вышли из пандемии с той или иной физической или ментальной травмой, ограничивающей прежнюю деятельность. Даже небольшие временные проблемы в здоровье могут внезапно заставить задуматься – смогу ли я вернуться в русло, к здоровому большинству; не окажусь ли я в числе меньшинства, с ограниченными правами и возможностями? На самом деле инвалидность никто добровольно не выбирает — это необратимое состояние здоровья, которое, к сожалению, может постигнуть каждого. Но она не должна ограничивать общественную деятельность человека. То есть, мы как общество должны сделать так, чтобы физические преграды не становились преградами ко всему остальному.

В этом эпизоде мы говорим со специалистами по вопросам людей с инвалидностью в Казахстане – Вениамин Алаев, и Таджикистане – Ситора Курбонова.

Данияр – Наш первый гость из Казахстана.

Вениамин – Меня зовут Вениамин Алаев, я правозащитник людей с инвалидностью.

Данияр – Вениамин, насколько я знаю, Казахстан ратифицировал Конвенцию ООН по правам людей с инвалидностью в 2015 году. Вы не могли бы рассказать нашим слушателям, как с тех пор изменились – или изменились ли они вообще – законодательство и практика в отношении инклюзии людей с инвалидностью.

Вениамин – Да, я очень рад, на самом деле, что у нас была ратифицирована Конвенция о правах людей с инвалидностью в самом начале, и, собственно, все мы ожидали, что в одночасье наша жизнь изменится, и, что по взмаху волшебной палочки люди с инвалидностью заживут по-новому и будут счастливо смотреть в будущее. Между тем, правда оказалась таковой, что это достаточно длительный процесс – процесс имплементации Конвенции о правах людей с инвалидностью. В настоящее время до сих пор продолжаются изменения законодательства в отношении нашей категории, и уже сейчас порядка более чем в 100 законодательных актах были внесены изменения. И ещё раз повторюсь: процесс далеко не окончен, всё ещё меняется, потому что мы сами меняемся. И я вам скажу, что сейчас очень много людей с инвалидностью стали активными благодаря социальным сетям, благодаря дистанционному образованию, благодаря доступу в интернет и, вообще, общей информативности наших граждан.

Вы знаете, что люди проходят школы, проходят различные курсы и так далее. И они, уже вооружённые новыми знаниями, начинают защищать как собственные права, так права своих близких людей или людей не близких, абсолютно неизвестных, но, собственно, они,

благодаря этим кейсам, поднимают вопросы на поверхность. И государство в настоящее время всё чаще идёт навстречу.

Данияр – Замечательно, то есть это лёд тронулся, и это уже хорошо. Ну, понятное дело, что этот процесс довольно-таки длительный. Вы не могли бы рассказать, какие именно принципиальные изменения произошли в законодательстве?

Вениамин – Давайте так: я сначала немножко расскажу о том, что есть страны, в которых люди с инвалидностью живут замечательно. Несмотря на то, что у них не ратифицирована Конвенция о правах людей с инвалидностью. Я имею в виду США, и в США у них есть свой закон “American with Disabilities Act” (ADA). Собственно, в Штатах социальная защита вне зависимости от того есть у них ратифицированная конвенция или нет, она на достаточно высоком уровне находится.

Что изменилось в нашей стране? А в нашей стране были внесены изменения в Закон об образовании, то есть мы сейчас знаем, что такое инклюзивное образование. Были внесены изменения в трудовое законодательство, были внесены изменения в законодательство, связанное с инфраструктурой. Точнее, было усиление законодательства. В общем, это целый большой пласт, и я думаю, что для этого нужно будет делать отдельно подкаст. То есть очень много законодательных актов, очень много законов уже изменились.

У нас был разработан так называемый “Атлас профессий для людей с инвалидностью”. То есть трудоустройство, по идее, должно идти уже по-новому вектору. Между тем, даже сейчас уже спустя 8 месяцев после презентации нашего “Атласа профессий” идут прения, потому что не все НПОшники согласны с теми формулировками, всеми предложениями профессий, которые включены в этот Атлас.

Данияр – Ну, мы же все понимаем, что одно дело написать закон. А другое дело то, как он будет потом работать, и как он будет интерпретироваться в реальном времени. Вы скажите, пожалуйста, какую бы вы дали оценку именно в плане имплементации этих законов: насколько хорошо они работают в Казахстане.

Вениамин – Давайте я приведу на примере финансовой инклюзии? Я сейчас со своими партнерами из Агентства по регулированию финансового рынка веду большой проект, который называется “Финансовая инклюзия” – по доступности финансовых услуг для людей с инвалидностью.

Когда мы ведем диалог с банками, когда мы ведем диалог с государственными органами, представляющими какие-то финансовые надзорные органы, и так далее, все заявляют о том, что никакой дискриминации людей с инвалидностью нет. Между тем, со всех регионов страны [люди с инвалидностью] нам говорят: “Ребята, не выдали кредит. Ой, мы не можем расписаться в документе, потому что мы, как правило, используем штамп

клише”. Есть штампы клише, которые заменяют, в частности, для незрячих граждан подпись.

И многие говорят о том, что они не могут воспользоваться банкоматом, потому что нет озвучки – звукового сопровождения операций. Или, например, чтобы получить ту или иную услугу, нужно дотянуться до фотокамеры, которая... Вот есть у нас большой банк один. Когда ты приходишь в банк, то, чтобы снять денежку, тебя идентифицирует камера. Так вот, получается, чтобы получить услугу у этого банка – любую услугу, – ты должен сфотографироваться, и зачастую пользователей колясок поднимают до высоты этой камеры, чтобы она встала вровень с лицом, чтобы человек получил услугу.

Так что, не всё, что есть на бумаге работает, но нужно постоянно вести мониторинг, и думаю, что мы должны сигнализировать и требовать доступ к своим правам.

И я полагаю, что сейчас мы выходим в очередной раз на новый вектор, когда люди с инвалидностью могут участвовать в каких-то общественных советах, участвовать в координационных советах, региональных, республиканских, в частности. В текущем году, в начале этого года у нас через онлайн-голосование даже несколько членов прошли – в том числе и я – в Республиканский координационный совет при правительстве по делам людей с инвалидностью.

Вот я думаю, что процесс не должен останавливаться. Почему? Потому, что даже в тех странах, где, казалось бы, всё благополучно, и то есть проблемы. Но я не думаю, что мы должны сравнивать себя с теми странами, где хуже. Мы должны равняться на лучших. Поэтому нужно всё равно усиливать свой потенциал.

И буквально недавно мы провели достаточно серьезные исследования по доступности парламента для людей с инвалидностью, и фактически сейчас за 6 созывов в парламенте страны, как в Мажилесе, так и в Сенате не было ни одного депутата с инвалидностью

Для справедливости, конечно, должен отметить, что есть депутат, представляющий конфедерацию людей с инвалидностью. Но это милая женщина и депутат, она сама не является человеком с инвалидностью. Поэтому я считаю, что мы должны стремиться к тому, чтобы...

Есть несколько способов вовлечения лиц с инвалидностью в Парламент. Первое, это квотирование мест. Второе, это квотирование мест в партиях, то есть, когда сами партии по своей инициативе заявляют о том, что они берут на себя обязанность у себя в партии обеспечить такой-то процент людей с инвалидностью.

И думаю, что, когда, всё-таки, несколько человек пройдут в Парламент, одно присутствие человека с инвалидностью будет – я бы сказал – дисциплинировать Парламент в контексте

дискриминации: а нас дискриминирует, собственно, повсеместно как в открытую, так и скрыто.

Данияр – Что очень удручает, на самом деле. Вениамин, вы поговорили про доступность среды, а точнее, ограниченность этой доступности. Мы все же ведь понимаем, что вот эта ограниченность прямо влияет на сегрегацию людей с инвалидностью. На мой взгляд, сам процесс сегрегации начинается еще со школьной скамьи. Меняется ли законодательство в этом отношении? И как оно меняется? Что делается для инклюзии людей с инвалидностью в образовательный процесс?

Вениамин – В настоящее время, чем дальше от центра, а я имею в виду Нур-Султан и Алматы, тем ситуация обстоит хуже. Между тем, у нас – в частности в Алматы – большинство школ можно считать инклюзивными. Точнее, государство хочет, чтобы мы считали их инклюзивными: во всех школах есть пандусы, почти во всех есть адаптированные санузлы, во всех во всех школах есть специально подготовленные педагоги, которые должны обучать людей с инвалидностью.

В то же время мы на протяжении 2018 года до пандемии вели проект, который обучал школьный персонал эффективному взаимодействию с детьми с ограниченными возможностями. Почему? Потому что в наш адрес очень часто звучали обращения родителей, которые говорили, что их детей не принимают в школах. Есть буллинг как со стороны детей, так и непонимание со стороны педагогов, потому что родители нормотипичных деток говорили: “Пусть ваши детки идут в интернат назад”. Хотя в законе об образовании уже есть четкое понимание о том, что дети имеют право учиться наравне со всеми и могут находиться, и имеют право находиться в одном классе, и проходить ту же программу – может быть, с какими-то особенностями, учитывающими их, скажем так, анатомические особенности, – но все должны учиться вместе.

Так вот, в рамках нашего проекта мы обучили порядка 250 педагогов разных школ разных районов. Это были тренинги по правам ребёнка в школе, это были тренинги по правам особого ребенка в школе. Мы также работали психологами, где обучали их эффективному взаимодействию с детьми с инвалидностью. Мы также работали с родителями нормотипичных детей, где говорили о том, что ребёнок с инвалидностью имеет право учиться со всеми вместе, потому что Казахстан взял вектор на инклюзивное общество, когда все мы должны быть вместе, потому что каждый является частью общего мира.

Данияр – Вот скажите, Вениамин, что нужно сделать для того, чтобы бороться с дискриминацией для того, чтобы сделать среду доступнее для того, чтобы людям жилось хорошо?

Вениамин – Знаете для того, чтобы бороться с дискриминацией, нужно иметь антидискриминационное законодательство, которого нет в Казахстане. Это базовая вещь.

А у нас нет закона о недискриминации. У нас не прописано в законе о социальной защите людей с инвалидностью – что есть прямая и что есть косвенная дискриминация. Именно поэтому людям с инвалидностью достаточно сложно, основываясь исключительно на нормах конвенции, защищать свои права. В действующем казахстанском законодательстве нет расшифровки дискриминации. В Конституции есть статья, в которой написано, что дискриминация по любому признаку – ну, получается, что и включая “по признаку инвалидности” – запрещена. Но нет детализированного понимания. Как вот, например, есть законодательство Грузии, законодательство Молдовы, других стран постсоветского пространства, где уже появилось антидискриминационное законодательство, которое четко регламентирует, что есть дискриминация, в частности, по признаку инвалидности, а что этим не является. Если оно появится, то можно будет мониторить, подавать в суд и так далее. А сейчас это очень сложно сделать, но, слава богу, у нас есть сейчас технические какие-то вспомогательные средства. Я имею в виду камеры, телефоны и так далее. Сейчас, конечно, легче. Но без юридической базы, без основы, которая бы могла нам облегчить жизнь.

Теперь я хотел бы также осветить вопрос о доступности индивидуальной мобильности. Это очень важно, если позволите. У нас есть статья Конвенции о правах людей с инвалидностью, которая называется “Индивидуальная мобильность”, в рамках которой человек с инвалидностью должен иметь возможность ехать или передвигаться туда, куда он хочет и когда он хочет. Между тем, далеко не во всех регионах транспорт адаптирован для людей с инвалидностью. И в этой части такая же ситуация – ровно, как и с образованием, как я говорил – чем дальше от центра, тем ситуация хуже. В Нур-Султане и Алматы общественный транспорт в большей степени адаптирован для нашей категории – для маломобильных граждан, чем в других регионах. Во всех регионах работают службы инватакси [такси для инвалидов], которые перевозят незрячих граждан или маломобильных из числа пользователей инвалидных колясок.

Однако, машин катастрофически не хватает, и чтобы заказать машину, ты должен за сутки позвонить. То есть если ты решил внезапно поехать к другу, ты не можешь этого сделать. Тебе нужно запланировать свою поездку заблаговременно. И тебе могут сказать: “Вы знаете, Вениамин, – ну, я не являюсь пользователем коляски – для примера говорю, – вы знаете, Вениамин, вы опоздали. Все машины сейчас уже заняты на завтрашний день. Позвоните завтра”.

Соответственно, моё личное предложение: критикуешь – предлагай. Я бы хотел рекомендовать, чтобы во всех онлайн [службах такси], каких-то [других] службах такси: я имею в виду Uber, я имею в виду Яндекс.Такси – или другие, которые у нас присутствуют – чтобы они взяли несколько машин, которые бы могли за деньги – я не говорю бесплатно – хотя бы за деньги перевозить людей из наших категории граждан.

Данияр – В качестве государственного частного партнерства, когда там, допустим, тот же Яндекс.Такси составляет соглашение с акиматом и просто-напросто пополняет свой автопарк с такими приспособленными и удобными автомобилями для перевозки людей с инвалидностью и маломобильных людей.

Вениамин – Если, например, я приглашу к себе своего друга из Караганды. Он пользователь коляски, его зовут Нияз, и он приедет в Алматы, то он, будучи карагандинцем в Алматы, не сможет воспользоваться службой Инватакси бесплатно. И вот это моё предложение было бы для нас оптимальным выходом из ситуации. То есть мы бы заплатили, его бы встретили в аэропорту и отвезли бы ко мне домой, и, собственно, этот вопрос бы решился. Но мы сейчас заказать не можем, мы сейчас не можем, если человек приехал из другого региона воспользоваться службой Инватакси, потому что это всё проходит под юрисдикцией местных исполнительных органов. То есть человек закреплён за местом проживания, соответственно, в нашем унитарном государстве, если ты приезжаешь в другой регион, то ты не можешь воспользоваться службой Инватакси, которое тебе, собственно, по твоей индивидуальной программе реабилитации положено – потому что ты приехал с другого региона.

Данияр – Когда уже наконец соотечественники заживут по полной, когда уже будут сняты все ограничения и ликвидированы все вот эти вот неудобства?

Вениамин – А я вам скажу, что, во-первых, думаю, что по существующей динамике и существующей динамике работы над ошибками мы заживем, наверное, лет через 10 более-менее. Это мой прогноз. Но я вам скажу так, что даже в тех странах, где всё замечательно, где всё хорошо, люди всё равно говорят о том, что есть пробелы, есть проблемы и так далее.

Понятное дело, что всё, так или иначе, упирается в бюджет. Вы понимаете, что ты просишь деньги на те или иные свои права, на реализацию тех или иных прав, то есть чтобы обеспечить Инватакси, нужно его закупить. Это нагрузка на бюджет. Чтобы обеспечить доступность образования, тебе нужно, опять-таки, всё обеспечить, всё закупить и инфраструктурой обеспечить, повысить квалификацию педагогов и так далее. И если ты, например, хочешь обеспечить трудоустройство людей с инвалидностью, тебе нужно оплатить рабочее место человека с инвалидностью и так далее. То есть это всё равно нагрузка на бюджет. А сейчас – ну, я не знаю – все ссылаются на пандемию. Говорят: “Вы знаете, у нас пандемия. Мы пока не можем”.

Ну, и даже, когда пандемия закончится, эта ситуация все равно будет требовать инвестиции, решений и денег – немалых, как говорится. Нужно будет увеличивать расходы. А расходы, как вы понимаете, увеличение бюджета – это решает Парламент страны. Поэтому, когда мы будем говорить о наличии депутатов, которые, по сути, должны

поддержать нас в наших реформах, мы должны иметь нашего представителя или несколько наших представителей в Парламенте.

На самом деле, есть у нас мысли о том, чтобы у нас появилась социальная партия в Казахстане. Сейчас очень многие в WhatsApp группах – знаете, сейчас есть очень большое количество WhatsApp групп – и в интернете, и в социальных сетях, во всяческих группах, в которых постоянно муссируется мысль о том, что наши интересы никто не представляет и, так или иначе, нужно создавать социальную партию. Но это делают другие люди.

Но я считаю, что если такая возможность есть, то почему бы в законном порядке не попробовать создать партию?

Данияр – Да, это очень хорошие идеи. И, по правде говоря, необходимо такую идею реализовать. Я уверен, что свою долю избирателей эта партия всё-таки получит.

Вениамин – Она получит очень хорошую долю избирателей, потому что я, например, читал опыт Финляндии. И я вам скажу, что в каждой семье, так или иначе, есть люди престарелого возраста, почти в каждой семье есть люди с инвалидностью, если не прямые, то дальние родственники, и есть люди, которые просто социально активные, социально ответственные, которые будут поддерживать все социальные инициативы вновь появившейся партии – лишь бы дали этому ход.

Данияр – Ситуация с обеспечением прав людей с инвалидностью в Таджикистане осложняется многими факторами – повсеместные проблемы в соцсфере из-за небольшого социального бюджета, недостаточный доступ к Интернету, большое количество трудовых мигрантов (которые к тому же трудятся на высокорисковых работах типа строительства). Тем не менее эта страна единственная из центральноазиатских стран, в которой еще не ратифицировали Конвенцию о правах людей с инвалидностью.

(Конвенция о правах людей с инвалидностью — конвенция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года и вступившая в силу 3 мая 2008 года. года 181 государств и Евросоюз участвуют в Конвенции. Цель Конвенции заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства.)

О ситуации в Таджикистане рассказывает Ситора Курбонова, руководитель общественной организации Женщин с инвалидностью “Сафои Конибодом”, Таджикистан, Согдийская область.

Данияр – Ситора, расскажите нам, пожалуйста, кто входит в группу людей с инвалидностью помимо тех людей, которых общепринято считать людьми с

инвалидностью? То есть сейчас есть очень много разных медицинских диагнозов, которые могли бы войти в инвалидность, но не входят. Можно поподробнее об этом рассказать? И если мы будем расширять эту группу, то мы рискуем большими средствами соцзащиты. Но, с другой стороны, многие люди с новыми заболеваниями: ментальными, аутоиммунными – тот же COVID – нуждаются в какой-то помощи. Может быть, необязательно в финансовой помощи в виде пенсии? Многие из них просто ведь хотят вести активный образ жизни. Допустим, возможность работать из дома или сокращённые часы и так далее. Как государство может повлиять на это, если это в ведении частного сектора? И идёт ли вообще переосмысление концепции людей с дополнительными медицинскими потребностями в мире и, в частности, в Таджикистане?

Ситора – Спасибо, Данияр. Во-первых, хочу поблагодарить за правильный термин “люди с инвалидностью”, то есть вы не сказали “люди с ограниченными возможностями”, вы не сказали “инвалиды”. Сами люди с инвалидностью сейчас предпочитают, чтобы их так называли. Люди с инвалидностью, люди, живущие с инвалидностью. Что касается [вопроса о том], кто входит в эту группу, [то] это люди, у которых произошли в организме какие-то процессы, и эти процессы необратимы. Скажем так, нарушение работы сосудов костной системы мышц, сенсорной аутоиммунной и ментальных систем человека. То есть это люди с диабетом, люди с аутизмом, люди маленького роста, люди с ломкими костями, люди с онкологией – очень широкий спектр. И вы правы, что отметили, [что] если расширять эту группу, то будет большая нагрузка на социальную защиту, на систему социальной защиты.

Как же государство повлияет? Я думаю, если государство хочет, чтобы со стороны бизнес-сектора была какая-то поддержка – я не знаю, – были какие-то скидки, то государство тоже, в свою очередь, должно предоставить такие условия бизнес-сектору, чтобы бизнес-сектор мог осилить поддержку вот этого социального направления.

То есть, что я хочу сказать? Бизнес-сектор любит договариваться. Чтобы что-то получить, нужно сначала что-то дать. Поэтому если пересмотреть, скажем так, налоговую политику по отношению к бизнес-сектору в сфере того, как этот сектор поддерживает уязвимые слои [населения], по моему опыту я могу сказать, что пару лет назад мне нужно было сдать несколько видов анализов, и я выбрала частную лабораторию, потому что были очень хорошие рекомендации: что они дают точный ответ и так далее. Но цена там была очень существенная. И я тут же подумала: “Как же рядовой человек с инвалидностью осилит такую оплату?” Там не было льгот. Я спрашивала: “Есть ли у вас какие-то льготы или поддержка по поводу первой группы инвалидности?” Они сказали: “Не, мы также платим налоги. Мы не можем идти на уступки и так далее”.

И здесь у меня появилась идея: если пересмотреть вот эту сторону налогообложения, бизнес-сектор обязательно пойдёт навстречу. Сейчас делаются первые шаги: у нас

налажена служба предоставления социальных услуг. Это соцработники, которые приходят к бенефициару дважды в неделю. И один их приход примерно на 2 часа, то есть они могут прийти помочь убраться по дому, сходить за покупками, что-то сделать или просто посидеть поговорить – тоже очень важно.

Данияр – Вы знаете, да, действительно, проблем в этой области существует очень много – особенно в наших постсоветских странах. Элементарно: мы говорили с предыдущими спикером о том, что людям с инвалидностью – особенно с физической – нужны специальные возможности для образования, фотографирования на документы, открытия депозита, даже получения денег из банкомата и так далее. Но, с другой стороны, как обстоят дела именно в медицинской сфере: могут ли люди с инвалидностью получить недорогие, но современные средства передвижения (какие-нибудь протезы, эффективные лекарства и лечение) и даже излечение от инвалидности?

Ситора – По поводу медицинской сферы: я бы назвала это не “медицинская”, а это “реабилитация”. И сфера реабилитации очень широкая, то есть в нее не входят только какие-то медикаменты либо приспособления и так далее. В сфере реабилитации люди получают вспомогательные средства, психологическую помощь и так далее.

В нашей стране сейчас налажено то, что человек с инвалидностью может получить вспомогательное средство от государства бесплатно. У нас работает протезный завод в городе Душанбе, в городе в Худжанд есть представительство протезного ортопедического завода. Также много туда обращений.

Но другой вопрос о том, чтобы эти средства были недорогими и в тоже время современными. Для этого, я думаю, нужно наладить производство вспомогательных средств в стране. Здесь снова стоит вопрос подготовки специалистов и понимания самой общественности. Что такое инвалидность? И какими подходами решаются эти проблемы?

По поводу излечения от инвалидности. Я хочу сказать, что от инвалидности излечения никогда не произойдет, потому что инвалидность – это состояние, а не болезнь. Это состояние человека, это последствия тех необратимых процессов, о которых мы выше говорили. И наше общество, к сожалению, думает, говорит и делает по принципу, что, грубо говоря, инвалид – это больной.

По роду своей деятельности я очень много до COVID-ного времени летала. У меня было много командировок, и во многих аэропортах, когда вызываешь службу транспортировки лиц с инвалидностью или маломобильных пассажиров, по рации, когда приходит сотрудник, [звучит:] “У меня больной, у меня больной. Подавайте амбулифт”. В общем, они так вот общаются. И я каждый раз говорю: “Послушайте, я не больная. Я пассажир. Маломобильный пассажир”.

Пока что термин “маломобильный пассажир” я слышала в аэропорту Домодедово. В Казахстане, Кыргызстане, Душанбе до сих пор говорят, что у них больной.

Данияр – Вы совершенно справедливо меня поправили и спасибо вам большое за то, что вы это сделали так. На самом деле, среднестатистический человек редко задумывается о терминологии: о том, правильно ли он использует какие-то слова по отношению к людям с инвалидностью. Существует очень много не только предрассудков, но и открытого обсуждения и дискриминации в отношении людей с инвалидностью. Есть ли в Таджикистане какие-нибудь кампании по борьбе с общественными предрассудками? И можно ли осудить человека за язык ненависти в отношении человека с инвалидностью?

Ситора – Спасибо, Данияр. Кампании по борьбе с предрассудками – это сейчас очень такая позитивная нота. Я недавно видела в Facebook видеоролик, что у нас уже сажают чиновников на коляски, чтобы прогуляться по городу. У нас появилось очень много видеороликов про лиц с инвалидностью, которые ведут активный образ жизни. С точки зрения позитивного образа – это тоже радует, что начали снимать не жалостливые, плаксивые видео, а мотивированные ролики. Также третий год у нас устраивается республиканский автомарафон с участием многих организаций лиц с инвалидностью, который несёт в себе встречу с представителями государственных структур в городах и районах страны, информирование общества, предоставление каких-то рекомендаций: куда они поехали, по доступной среде, по доступу к информации и так далее.

Но также есть одно большое “но”, которое всю вот эту вот прелесть перечеркивают любители хайпа и денег – блогерами я их в жизни не назову, потому что они не понимают вообще, что означает “блогинг”.

Эти люди затаскивают на свой контент лиц с инвалидностью, делают душераздирающее видео со слезами, со страданием, жалобами. Объявляют сбор средств на квартиры или что-то ещё. И вся вот эта работа по формированию позитивного образа лиц с инвалидностью сходит на “нет”.

Данияр – Давайте перейдем к следующему вопросу. А как обстоят дела с образованием?

Ситора – Я сама со второго класса по шестой... Родители, в общем, решились меня отправить в один из интернатов республики. Вытерпели они вот эти вот 4-5 лет. То есть в шестом классе они меня обратно привезли домой. В интернатах – на своей практике – я скажу, что образование было очень качественным. Но после интерната, после окончания интерната люди не находили для себя места в обществе. В лучшем случае – это или сапожник, или портниха, а в худшем – сами понимаете.

И отрадно, что сейчас в Таджикистане уже который год запущен процесс реформирования этих учреждений в дневные центры поддержки. И есть несколько

интернатов, из которых сделали дневные центры поддержки для детей с инвалидностью, либо для взрослых с инвалидностью и престарелых.

По поводу образования – хорошая новость касается детей и молодёжи с инвалидностью. Сейчас школы и другие учебные заведения не принять их уже не могут. То есть, есть законы, есть концепции, которые защищают. Есть ответственность, обязательства. К примеру, при поступлении в ВУЗ существуют государственные квоты для лиц с инвалидностью. Другое дело – активация самих людей с инвалидностью. И насколько они тянутся к образованию. Тут очень большую роль играет семья, родители, окружение, которые либо своей гиперопекой заглушают вот эти вот желания – куда-то поступить, кем-то стать, приобрести профессию. Либо своим безразличием. Это очень важный фактор, когда семья поддерживает, семья мотивирует и способствует выполнению каких-то желаний, стремлений молодого человека или девушки с инвалидностью в семье.

Данияр – На самом деле для того, чтобы обеспечить полный доступ людей с инвалидностью ко всем аспектам общественной жизни – политической, экономической, культурной, спортивной, государство должно выделять большие деньги. И если в обществе есть низкий запрос на такие расходы – то правительство предпочитает тратить деньги на другое.

Но важно понять, что, если экология оставляет желать лучшего, как и здравоохранение, если процветает насилие и случаются повсеместные дорожные аварии, если полиция нас не бережет, а экономика, построенная на выкачивании природных ресурсов, не обеспечивает безопасности труда, то требовать от государства увеличивать такие расходы – наше естественное право.

Подписывайтесь на наш подкаст – на нашей странице мы также размещаем транскрипт и полезные ссылки. В последнем эпизоде этого сезона мы поговорим с известным американским правозащитником, специализирующемся на Центральной Азии – Стивом Свердлоу. Это поможет нам разобраться, можно ли совместить права и интересы меньшинства и большинства в одном обществе.

Все эпизоды этого сезона вы сможете найти на нашей странице в фейсбук – Постсоветистан и на сайтах саа-network.org и paperlab.kz, а также на подкастинговых платформах. Давайте о себе знать, комментируйте, оценивайте и делитесь информацией о ПостСоветистане в ваших социальных сетях и отмечайте нас хештегом #постсоветистан на фейсбук, в инстаграм и твиттере!

Спасибо за внимание – и до встречи на следующем эпизоде!